

Олеся + О.

22/VII-82

Театры имени Маяковского и «Современник» прописали на своей площади новых жильцов: первый — студентов ГИТИСа (курсы режиссера Л. Хейфеца), а «Современник» — выпускников школы-студии МХАТ, создавших театр-студию «Современник-2». Под занавес сезона «Современник-2» показал спектакль «Пощечина» по мотивам «Зависти» и «Заговора чувств» Юрия Олеши, студенты ГИТИСа — фольклор-оперу В. Дашкевича «Клоп» по мотивам произведений Маяковского (либретто Ю. Кима и В. Дашкевича). Не будем заранее гадать, временно или постоянно прописались молодые коллективы в столичных театрах. Будущее покажет. А сегодня дебютанты привлекли интерес.

«КОПА» играли в филиале Театра имени Маяковского. О помещении заботиться не пришлось. Все было готово — зрительный зал, сцена, фойе, буфет. «Пощечину» показывали в служебных комнатах на пятом этаже «Современника», где ничего готово не было, все приспособили на живую нитку. В небольшом зале пропасть народу. Тесно. Душно. Скамьи (как и все прочее) сделаны руками студийцев. Сидим не слишком удобно. Ничего не поделаешь. Сколько театров начиналось на чердаках и в подвалах. Был бы толк. Пока что в обеих студиях аншлаг.

В нынешнем сезоне мы уже видели Олешу на сцене. В Московском театре миниатюр шел «Нищий, или Смерть Занда». Пьеса, которой нет в архивах Олеши. Сохранились лишь предварительные заготовки, фрагменты, варианты, черновики. Олеша много раз возвращался к своему «Занду», но так и не дописал. Постановщику спектакля и автору сценической композиции М. Левитину предстояло проделать поистине уникальную работу (увы, мало оцененную критикой), скрупулезно, по кусочкам сложить, вылепить, воссоздать пьесу, в которой блещет талант Олеши, парадоксально движется мысль, прихотлив и метафоричен поэтический язык.

И вот снова Олеша в студии «Современник-2». Что обещала новая встреча? Признаться, шел с опаской. Как слабают молодые актеры и молодой режиссер М. Ефремов с необычным материалом? Что им Гекуба? Почему обратились к проблемам, в 20-е годы мучившим персонажей Олеши? Или, может быть, привлекли вечные сюжеты — любовь, ревность, ненависть, зависть, честолюбие, страх? Пожалуй. Но у Олеши все чувства социально окрашены, эпоха 20-х годов наложила на них свой отпечаток. Без этого нельзя понять поведение героев. Николай Кавалеров ненавидит людей новой формации. Они для него истуканы, машины и его, человека высокого интеллекта, могут сделать нищим, признав несостоятельным все старинные чувства, на их место водрузив грубую утилитарность. Великого строителя фабрики-кухни «Четвертак», знаменитого колбасника и кондитера Андрея Бабичева Кавалеров прези-

рует за бездуховность. А брат Андрея Бабичева — романтический «король подушек» Иван собирается потрясти истукана, ни во что не ставящего пафос личности, взрывом человеческих чувств. Иван ищет ревнивых, влюбленных, мечтателей, находит завистника Кавалерова. Пусть чувства проявят себя. Пусть докажут, что

Маяковскому могло понравиться. А Олеше...

не перевелись — были, есть, будут. Борьба за пафос, за пафос чувств — богатых, сложных, разнообразных — главная тема Олеши. Останутся они принадлежностью старого мира или новые рационалистические люди, строители нового мира, отныне станут его поэтами, более человечными, чем кто-либо до них?

Молодой «Современник-2» читал Олешу «нынешними» глазами, многое по-своему увидел, а многое не увидел. Шумная, сатирически заостренная сцена торжественного открытия «Четвертака», где легче дать волю фантазии, чем в камерных, философских, психологических, не зря оказалась одной из лучших в спектакле, а громокипящий колбасник Бабичев (Г. Венгеров), энтузиаст с вечно сияющим лицом, сияние которого Кавалеру кажется ужасным, пожалуй, наиболее удавшаяся роль. И, конечно, очень помогли живые контакты актеров и зрителей. Прямые обращения со сцены в зал — счастливая находка молодого коллектива. Тем более что выставленные в фойе фотографии, комические муляжи, отснятые на репетициях киноролики — все приглашает к разговору.

И все-таки прочитать книгу или вчитать в книгу далеко не одно и то же. Молодые прочитали. Но достаточно ли внимательно вчитались? Они сняли первый слой, а еще был второй, третий, глубокий шестой. Тот, до которого добрался Театр миниатюр, чьим опытом не грех было бы воспользоваться. «Современник-2» остановился на полпути, до конца не растолковав ни себе, ни нам мотивы странных поступков героев пьесы и трагикомические ситуации, потому что сакральный спектакль как бы лишен исторического контекста. Говоря современным языком, мы скорее присутствовали при споре «физиков» и «лириков». Мелковато, пожалуй, и однозначно. До борьбы двух пафосов, как хотелось Олеше, спек-

такль недотянул. И поневоле бледными получились антагонисты Андрея Бабичева — Кавалеров и Бабичев Иван.

Многие реплики произносятся иронически, с озорством, скороговоркой. А Олеша не исключал и даже настаивал на возвышенном, патетическом тоне. В свое время мое поколение восхищалось метафорической речью Олеши. Как строчку стихов, наизусть повторяли фразу: «Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев». Не надо выделять ее курсивом, но и проговаривать по-бытовому не стоит. Одна такая фраза уже создает на сцене поэтическую атмосферу.

Сосредоточенности, хотя бы мгновенной тишины, психологических пауз — вот чего не доставало на спектакле «Пощечина». «Клоп» (пост. О. Кудряшова) легче без них обходится, да и то небезоговорочно. Но ведь у «Клопа» иной настрой, другая задача. Его авторы сочиняли народную оперу. Название обязывающее. Если до жанра народной оперы недотянули, то талантливого музыкального произведения, замешенное на городском фольклоре 20-х годов, безусловно, удалось... Представление органично вбирает в себя уличную

частушку, модный романс, танго и фокстрот, бодрые лозунги, которые, маршируя, скандировали «Синяя блуза» и комсомольские «Живые газеты». И, конечно же, поэтическую речь Маяковского — с ее ритмами, мелодиями, завораживающе широким, гулким, размашистым шагом.

Из шумного, задиристого, горластого молодежного общежития с девушками в красных косынках и парнями в рабочих спецовках однажды с треском выламывается Иван Присыпкин (А. Васильев). Отрекся от друзей, от невесты Зои Березкиной. Перекинулся к напманам, мещанам и обывателям. Продавец пуговиц и шаров Олег Баян нарек Ивана Присыпкина звучным именем Пьер Скрипкин, продавец бюстгалтеров мадам Ренессанс женила Присыпкина на своей дочери Эльзевире (Т. Степанченко), «ревизовала» его душу. Все как в стихотворении Маяковского «Маруся отравилась»: «Понравился Марусяке один с недавних пор... Он был монтером Ваней, но... в духе парижан, себя присвоил званье: «электротехник Жан» — и все как в пьесе «Клоп», в первой ее половине, по мотивам которой написана опера. Без второй феерической части — воскрешения Присыпкина сузились масштабы пьесы. Но с самого начала замысел был скромнее. Разыгрывается жестокий романс, вернее, жестокая пародия на жестокий романс; наподобие той, которую в стихотворении «Маруся отравилась» сочинил Маяковский, беспощадно отхлестав напманов, обывателей, рабочего парня, переродившегося в мещанина.

В фольклорной опере «Клоп» молодым исполнителям все оказалось по плечу. Пришлось танцевать — и танцуют, да еще как — акробатически. Понадобилось петь — запели, вполне в духе незабвенных «синеглазников». Стихи Маяковского читают с энтузиазмом, наотмашь, маяковской фразой припечатывая ренессансов или вдрызг высмеивая юного, но уже подающего надежды бюрократа — секретаря «самого» товарища Лассальченко (И. Ветров).

Наверное, перевоплотиться в завистника Кавалерова труднее, чем в рабочего паренька, хотя и тот, и другой — молодые люди из далеких 20-х годов — были ровесниками студийцев. «Обжить» картуз рабочего парня легче, чем котелок Ивана Бабичева, а попробуй, как Бабичев, научиться таскать за собой подушку, будто она живое существо... Впрочем, все это сказано не в укор. Сегодня хочется поздравить молодые коллективы с днем рождения. Это главное. Хвалить, критиковать, придираться успеем. Дебют состоялся. До новых встреч.

Б. ГАЛАНОВ

Мей. 202 - 1982

22 июля - 82